

ЭПИСТЕМИЧЕСКИЙ АВТОРИТЕТ: ОШИБКА В «ЛИБЕРАЛЬНОЙ ЗАЩИТЕ» И ЦЕННОСТНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА

Розов Николай Сергеевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник. Институт философии и права СО РАН. Российская Федерация, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, д. 8; Новосибирский государственный технический университет. Российская Федерация, 630073, Новосибирск, пр-т К. Маркса, д. 20; e-mail: nrozov@gmail.com

Статья включает критику рассуждения Линды Загзебски, выводящей следование моральным и религиозным авторитетам из принципов признания государственного и эпистемического авторитета (перевод статьи опубликован в спецвыпуске «Epistemology & philosophy of science / Эпистемология и философия науки». 2017. Т. 53. № 3). Показано, что автоматический переход от признания чужих дескриптивных суждений к признанию нормативных суждений, исходящих от того же авторитета, не корректен. Также не является корректным переход от признания эпистемического авторитета наук к признанию моральных и религиозных авторитетов, тем более, оправданности подчинения их указаниям относительно всего жизнеустройства. В качестве альтернативы предложен принцип ценностного сознания, согласно которому каждый современный индивид, обычно входящий одновременно во множество сообществ с разными принимаемыми ценностями, сам свободно принимает, каким ценностям следовать, но при этом сохраняется «тонкий слой» общезначимых ценностей, которые нельзя нарушать никому. Показано, что философия отличается как от сферы науки, так и от сфер морали и религии, поскольку находится в постоянном поиске собственных оснований. Именно поэтому философия оказывается лучшим противоядием от попыток подчинить либеральные принципы моральным и религиозным авторитетам, которые, между прочим, бывают антилиберальны и антигуманны.

Ключевые слова: эпистемический авторитет, научный авторитет, моральный авторитет, религиозный авторитет, приоритетность подчинения правилам, общезначимые ценности, тонкий слой ценностей, минимальные ценности, ценностное сознание, специфика философии

EPISTEMIC AUTHORITY: THE ERROR OF 'LIBERAL PROTECTION' AND THE VALUE ALTERNATIVE

Nikolai S. Rozov – DSc in Philosophy, chief research fellow. Institute for Philosophy and Law, Siberian Branch of Russian Academy of Science. 8 Nikolaev St., Novosibirsk, 630090, Russian Federation; Professor. Novosibirsk State Technical University. 20 Karl Marx avenue, Novosibirsk, 630073, Russian Federation; e-mail: nrozov@gmail.com

The article includes a critique of the arguments by Linda Zagzebski who tries to derive following to moral and religious authorities from the principles of recognition of the state and from epistemic authority. The author shows that the automatic transition from recognition of somebody's descriptive judgments to recognition of imperatives emanating from the same authority is not correct. He shows the way for a valid transition from recognition of epistemic authority of science to recognition of moral and religious authorities. He also claims that there is no justification for subjecting their instructions concerning all living arrangement. As an alternative, he suggests the principle of value consciousness according to which every modern individual (that usually enters a variety of communities with different values) freely accepts values to follow. At the same time the

“thin layer” of universal values retains and nobody can violate them. The author argues that philosophy differs both from the sphere of science and the spheres of morality and religion, because philosophy is always looking for its own reasons. That is why philosophy is the best antidote against any attempt to bring the liberal principles under the subordination to moral and religious authorities, who, among other things, can be anti-liberal and anti-human.

Keywords: epistemic authority, scientific authority, moral authority, religious authority, the preemption of submission to rules, values of general significance, a thin layer of values, minimal values, value consciousness, the specificity of philosophy

Либеральная защита религиозных норм и авторитетов как интеллектуальный кульбит

В своей статье «Эпистемический авторитет: современная либеральная защита» Линда Загзебски весьма искусно оправдывает доверие к признанным экспертам и руководству, распространяя аргументацию политического либерализма на вопросы познания, морали и религии [Загзебски, 2017].

Рассуждение Л. Загзебски (в неизбежно упрощенном виде) состоит в следующем. В сфере познания автономия личного выбора не противоречит признанию авторитета или авторитетного руководства (authority)¹, подобно тому, как в сфере политики, согласно Джозефу Рацу, автономия гражданина не противоречит его подчинению признанному этим гражданином государственному руководству [Raz, 1986]. Такое признание предполагает приоритетность (preemption) подчинения установленным этим руководством правилам по отношению к следованию личным мотивам и интересам (например, нельзя ехать на красный свет, даже если торопишься). Авторитет считается оправданным для человека, если доверие к нему и подчинение требованиям авторитетного руководства, в принципе, отвечает целям человека и всех тех, с кем он солидаризуется. Действительно, общий запрет ехать или идти на красный свет вполне согласуется с целями безопасности каждого участника уличного движения.

Расширение данного принципа на экспертов в разных областях, например, ученых – специалистов в своих науках, врачей – специалистов в сфере здоровья и лечения болезней, дает принцип «эпи-

¹ Authority обычно переводится как полномочия, руководство, начальство, власть, авторитет, авторитетность. Трудность перевода состоит в том, что в английском термине совмещены качество (авторитетность, признанность, квалифицированность, высокая репутация, полномочность и т. п.) и властвующий субъект с этим качеством (начальство, руководство, власть, вышестоящая инстанция, эксперт, специалист).

стемического авторитета» (epistemic authority): человеку вполне рационально доверять их суждениям, считать последние истинными, поскольку есть основания полагать, что они лучше разбираются в своих вопросах, чем сам человек. Поэтому также вполне рационально доверять рекомендациям врача (если уже признал его достойным специалистом), т. е. подчиняться авторитетному руководству, поскольку это вполне соответствует собственным целям пациента – выздороветь.

Если уж есть авторитеты в области познания, то почему не быть авторитетным знатокам в сфере морали и религии? Признавая их авторитет, следует также признавать лучшими (в том или ином смысле) их убеждения, или верования (beliefs). А значит, вполне рационально подчиняться правилам, указаниям соответствующего авторитетного руководства, хоть в морали, хоть в религии. И это подчинение, полное принятие соответствующих убеждений, включает Л. Загзебски, никак не противоречит личной автономии и свободе индивида.

Идею авторитетности в рамках религиозного сообщества можно защитить, распространив на него тот же общий принцип для обоснования авторитета, который мы использовали ранее. Религиозные авторитеты часто бывают и в эпистемической и в практической областях. Для меня оправдано верить эпистемическому авторитету религиозного сообщества, если я честно соглашусь, что я скорее достигну истины, если поверю в то, во что верим МЫ, сообщество, чем если буду пытаться достичь истины самостоятельно, независимо от НАС, сообщества или Церкви. Для меня оправдано доверять практическому авторитету, если я честно соглашусь, что я скорее проживу достойную жизнь, спокойно покину мир и достигну спасения, следуя предписаниям Церкви, чем если бы я пытался достичь этих целей самостоятельно <...> Но когда индивид понимает, что принятие верований на основании суждения авторитета из его сообщества является лучшим способом достичь своих целей, чем если бы он делал это независимо от сообщества, то доверие авторитету сообщества становится не только совместимым с автономией индивида, но и вытекает из нее [Загзебски, 2017, с. 105–106].

Итак, перед нами произведен весьма впечатляющий интеллектуальный кульбит, когда на основе вполне либерального принципа Дж. Раца, здраво примиряющего автономию и свободу субъекта с необходимостью подчиняться правилам и требованиям признанного этим субъектом государства, оправдывается подчинение личности религиозным догматам, церковным указаниям, пусть и под видом авторитета своего сообщества (общины).

Разумеется, сама Линда Загзебски при этом имеет в виду какое-то свое сообщество и церковь (вероятно, современную католическую или протестантскую), каноны, правила и проповеди которой никак не

противоречат ее убеждениям, современным либеральным и гуманистическим нравам западных интеллектуалов, причем с ними она, судя по всему, солидаризуется.

Чтобы заострить проблему, укажем на иные моральные и религиозные сообщества, например, основанные на исламском фундаментализме (Аль-Каида, ИГИЛ, ваххабиты, «стражи исламской революции» и т. п.). Здесь целью индивидов тоже является спасение и вечная благодная загробная жизнь, а достичь этой цели помогают некие организации (общины), проповедующие джихад против неверных, терроризм в их странах и агрессивную войну ради построения всемирного Халифата. Авторитетны ли эти общины? Рационально ли молодым мусульманам и мусульманкам признавать их авторитет, подчиняться указаниям их руководства? Если следовать логике Л. Загзебски, то никаких сомнений здесь быть не должно: в духовном руководстве этих сообществ всегда есть весьма начитанные в данной традиции уважаемые люди, религиозные авторитеты в полном смысле слова, которые, несомненно, гораздо лучше разбираются в вопросах веры и спасения, чем молодые неофиты – будущие террористы, шахида и шахидки.

Вряд ли сама Л. Загзебски обрадуется тому, что ее рассуждение оправдывает основанный на религиозной вере терроризм. Где же находится изъян в ее логике? Рассмотрим последовательно основные шаги ее рассуждения. Некоторые из них она сама четко обозначила, а некоторые остались непроговоренными, возможно, неосознанными.

От политического авторитета – к эпистемическому авторитету

Л. Загзебски использует т. н. «тезис стандартного обоснования» (Normal Justification Thesis), предложенный Дж. Рацом. Требования авторитетного руководства (например, государства) обоснованы, если подчинение им способствует субъекту достигать его собственных целей. В таких случаях ему не обязательно вникать в содержание каждого требования, проверять его обоснованность.

Допустим, установлено правостороннее (а в некоторых странах – левостороннее) движение, и в каждом государстве есть свой свод законов. В каждом месте нужно просто соблюдать здешние правила, поскольку это соответствует целям индивида сохранить безопасность и не быть привлеченным к ответственности за нарушение закона. Это не нарушает автономии свободного индивида и оправдывает политический авторитет – необходимость подчиняться требованиям авторитетного руководства. Рассуждение пока что представляется вполне

здравым. Свобода индивида каждый раз ограничена, но поскольку он сам согласился подчиняться местным правилам, то можно считать, что принцип автономии не нарушен.

Далее Л. Загзебски расширяет данный принцип и предлагает «Тезис обоснования эпистемического авторитета»:

Эпистемический авторитет другой личности обосновывается для меня моим же сознательным решением о том, что я скорее сформирую истинное убеждение и избежу ложного, если доверюсь тому, что сообщает мне авторитет, а не стану устанавливать истину самостоятельно [Загзебски, 2017, с. 98].

Действительно, астрономы знают больше об астрономии, химики – о химии, экономисты – об экономике, врачи – о болезнях. Так почему бы им не верить, по крайней мере, когда они между собой согласны? Если моя цель – узнать истину относительно какого-то предмета, а кто-то в силу квалификации, рода занятий, погруженности в тему и доступа к фактам более компетентен в данном предмете, чем я, то лучше я поверю его суждениям, чем попытаюсь сам что-то выяснить. Признание его авторитета, доверие ему соответствует моей цели, не ущемляет мою свободу. Пока все идет гладко.

Л. Загзебски специально рассматривает более сложные (и нередкие) случаи расхождения во взглядах между экспертами. Здесь по ее совету можно вовсе отказаться от суждения, либо продолжить размышление, сравнение позиций и тогда «может случиться, что кто-то удовлетворит тезису обоснования эпистемического авторитета» [Загзебски, 2017, с. 99–100].

Специальный пассаж посвящен ущербности вероятностного мышления людей в сравнении с более эффективным принципом «все или ничего», которым, как оказывается, успешно пользуются животные. Этот момент важен, поскольку неявным образом подкрепляет последующую защиту принципа: если уж доверять авторитету, то целиком.

От эпистемического авторитета – к практическому действию

Если я согласился с тем, что утверждения авторитетного эксперта относительно предмета верны, означает ли это автоматически, что я должен следовать его указаниям – как мне поступать в отношении данного предмета (узкий вывод), или вообще что мне делать и как мне жить (широкий вывод)? Последний вариант представляется вовсе абсурдным, но и первый вывод, мягко говоря, сомнителен.

Л. Загзебски обосновывает правомерность следования авторитету в убеждениях и в практике через простое уравнивание: если аргумент приоритетности (preemptiveness) работает в одном случае, то работает и в другом.

Если этот аргумент имеет силу, то не имеет значения, чего касаются суждения авторитета – того, как поступать, или того, во что верить. Мне же этот аргумент представляется убедительным [Загзебски, 2017, с. 102].

Если я согласился с диагнозом, который поставил мне врач, действительно ли автоматически я обязан соглашаться с назначенным им лечением? Допустим, врач у меня определил компрессионный перелом позвоночника, но, работая в специализированной хирургической клинике, убедительно настаивал на операции с установкой металлической вставки. Впрочем, я описываю вполне реальный, произошедший со мной случай. Так вот, согласившись с диагнозом, я отказался от операции (преодолев сильное авторитетное давление врачей с явными интонациями угрозы) и по прошествии почти десяти лет вполне доволен своим решением (каждый год хожу в горы с тяжелым рюкзаком, и даже не хочется думать, как повела бы себя металлическая вставка в позвоночнике при таких нагрузках на него).

Следует отвергнуть автоматизм отождествления выводов для убеждений и действий на основе известного «закона Юма»: нельзя вывести нормативные суждения только из дескриптивных. Из дескриптивных суждений авторитетного эксперта относительно предмета не может прямо следовать какой-либо императив: что должно делать в отношении этого предмета. Такой вывод может быть правомерен только в одном случае: когда есть явная или неявная нормативная же предпосылка, а также основания для отвержения любых других альтернатив данному императиву.

Как могло бы быть корректно обосновано врачебное указание непременно провести операцию на позвоночнике? Нормативная предпосылка здесь может быть сформулирована (в простых терминах) так: «больной должен быть способен сидеть, стоять, ходить, а для удержания такой нагрузки позвоночнику необходима некая жесткая структура на месте поврежденного позвонка». Но для императива операции нужна еще одна, отвергающая остальные альтернативы, предпосылка: «ничто кроме искусственной вставки не сможет стать такой жесткой структурой». В моем случае вторая предпосылка оказалась не верна: позвоночник восстановился без операции (пусть и ценой постельного режима, ношения корсета в течение полугода). Впрочем, рядом со мной в палате лежал молодой парень, у которого несколько позвонков были разбиты вдребезги (в результате травмы также на снежной горе). Для него вторая предпосылка является верной, и окажись я на его месте, разумеется, согласился бы на операцию.

Весь этот рассказ нужен для обоснования простой мысли: нет никакого автоматизма в выводе и никакой оправданности легкого отождествления согласия с суждениями авторитета и согласия подчиняться его указаниям.

От эпистемического авторитета – к моральным и религиозным убеждениям

Если есть авторитетные эксперты в астрономии, химии и медицине, то почему не быть столь же авторитетным экспертам в сферах морали и религии? А если они лучше меня разбираются в том, что хорошо и что плохо, в том, как жить, как растить и воспитывать детей, как, кому и сколько раз в день молиться, в какую церковь ходить и какие обряды соблюдать, то надо, не мудрствуя лукаво, признать их суждения истинными, их требования правомерными, подчиниться их указаниям, оставаясь при этом убежденным в своей полной личной свободе и автономии. Так выглядит финальное рассуждение Л. Загзебски; если оно утрировано, то лишь самую малость.

Фокус состоит в неразличении ею областей, которые различаются принципиально.

Есть позитивные науки с надежной фактологической базой и многократно проверенными теориями. В этих науках имеются знания, фиксированные в справочниках и учебниках. Есть и специалисты, ученые – те самые авторитетные эксперты, которым следует доверять, когда они делают суждения в рамках этих неоспоримых знаний и согласны между собой. (Про передний фронт исследований, где много неясного и ведутся споры, здесь вообще не говорим.)

Есть области морали, этики и эстетики, ценностей, не в смысле научного (психологического, социологического, культурологического, антропологического) описания того, кто, где, какие имеет нравы, а в смысле производства, распространения, проповедования общих нормативных суждений: что хорошо, должно, правильно, благородно, прекрасно в той или иной сфере, а что, напротив, дурно, недопустимо, неправильно, подло, безобразно. Есть ли тут признанные авторитеты, специалисты, эксперты?

Да, есть мудрецы (в старинном почтенном смысле), моралисты, праведники, наконец, доктора и профессора этики и эстетики, защитившие соответствующие диссертации и читающие курсы студентам. Еще имеется область религии, где речь уже идет о сверхъестественных сущностях (о Боге или богах), о явлениях (чудесах), о потустороннем мире (аде, рае, чистилище). Нет религий, которые ограничивались бы только картиной мира, в каждой религии есть также за-

преты (табу, заповеди, заветы), добродетели, моральные императивы, указывающие, что богоугодно, а что грешно делать или говорить правоверному. Здесь есть свои авторитеты: жрецы, имамы, священники, ученые богословы, профессора, также защитившие свои диссертации и читающие лекции в духовных семинариях и академиях.

Назовем две последние сферы нормативной и религиозно-нормативной. Теперь нужно отграничить их от сферы науки, чтобы показать некорректность перехода «эпистемического авторитета» от признания научных истин к признанию моральных и религиозных суждений и императивов.

Безличность научных истин – почему она так важна?

Тема демаркации научных высказываний от ненаучных – богатая и почтенная, здесь накоплено много разнообразных идей, достаточно упомянуть принцип верифицируемости, который разрабатывался в Венском кружке, принцип фальсифицируемости (К. Поппер и И. Лакатос) и схему полноценного научного объяснения с «охватывающими законами» (К. Гемпель).

Здесь же нам достаточно указать, что в сфере наук с эмпирическим содержанием (естественных, социальных, гуманитарных) и/или с накоплением истин, общепринятых методов, со строгой логикой (математических дисциплин) есть совокупность фактических или теоретических суждений, которые не оспариваются и являются по своей сути безличными, т. е. не привязанными к каким-либо индивидам или сообществам. Важно, что все такие суждения дескриптивны, т. е. утверждают нечто о мире (о природе, об обществе, о текстах и смыслах) или об абстрактных математических структурах.

Разумеется, в каждой научной отрасли есть также много неясного и спорного, как на переднем крае кумулятивных наук (естествознания и математики), так и почти во всем теоретическом, интерпретативном слое социальных и гуманитарных наук. Там, где есть неясность и споры, там нет надежных авторитетов, поэтому далее будем учитывать только наличие совокупностей общепринятых дескриптивных истин.

Есть ли таковые в нормативной и религиозно-нормативной сфере? Допустим, сделано суждение о том, что такой-то моралист в таком-то труде, в таком-то году заявил такой-то этический принцип, а такой-то богослов в таком-то своем труде так-то проинтерпретировал такой-то фрагмент такой-то священной книги (Библии, Корана, Бхагаватгиты и пр.). Фактические суждения с формой такого рода вполне

могут быть общепринятыми. Но все эти суждения относятся не к области морали или религии, к той или иной гуманитарной науке (текстологии, истории идей, истории религии). Поэтому также выносим их за скобки.

Настоящее же «тело» нормативной и религиозно-нормативной сферы составляют либо общие дескриптивные суждения, не имеющие и не могущие иметь эмпирического, фактического подкрепления, либо связанные с ними ценностные суждения и императивы, утверждающие, что хорошо/плохо, или прекрасно/безобразно, или должно/не должно, или богоугодно/богопротивно. Дескриптивные суждения в этих сферах могут касаться «вечной души», «истинного смысла жизни каждого человека», «сущности красоты», «предназначения человека в мире», «атрибутов Бога», смысла откровений, чудес и т. п. Нормативные суждения (ценностные и императивные), построенные, как правило, на основе сформированной в таких дескриптивных суждениях картины мира, получают функцию регулятивов поведения всех тех, кто эту картину мира принял.

Если принципиальная черта общепринятых научных суждений состоит в их безличности, в опоре на факты, свидетельства (в эмпирических науках) или же в опоре на дефиниции, аксиоматику, логику (в математике), то принципиальная черта суждений, составляющих тело нормативной и религиозно-нормативной сферы, состоит как раз *в неустранимой привязанности их к некоему сообществу – тем, кто принимает, утверждает все эти недоказуемые дескрипции* (о вечной душе, Боге, чудесах, предназначении человека) *и регулятивы* (о том, что хорошо/плохо и должно/не должно).

Любая оценка в своих основаниях всегда предполагает кого-то оценивающего. Любой императив в своих основаниях предполагает либо оценку и логический переход от оценки к требованию, либо некоего субъекта – требующего, приказывающего, запрещающего.

Возьмем такие примеры, для которых заявленные мной утверждения представляются легко опровержимыми. Вино бывает лучшим и вкуснейшим, а бывает плохим и безвкусным – ведь это оценки, причем никаких оценивающих, кажется, не нужно. Следует, должно быть щедрым и смелым, а скупым и трусливым быть плохо, нельзя, постыдно. Таков простейший моральный императив, казалось бы, согласие с которым не требует апелляции к какому-то субъекту, который бы это требовал.

При более внимательном рассмотрении оказывается, что даже эти примеры не опровергают, а подкрепляют тезис. Качество вина отчасти зависит от вполне объективных химических характеристик, которые можно выявить научными методами, например, излишняя кислотность, чрезмерное количество сахара, наличие уксуса в вине всегда портят его вкус. Для каждого сорта вина есть вполне опреде-

ленные верхние и нижние границы допустимого, попадание в которые можно объективно замерить. Поэтому такие случаи как скисшее или переспелое вино, мы отбрасываем.

Что же происходит внутри этих границ? Ведь в каждом сорте (вермут, рислинг, мерло, херес и пр.) есть лучшие вина, средние вина и те, что ниже среднего. Вот здесь уже без субъективных оценок не обойтись. Можно попробовать проранжировать вина по стоимости или по количеству медалей, но в каждом случае это будут лишь метки прошлых оценок – либо продавцов и покупателей (которые как оценили вино, определили ему предложение, спрос, а значит и цену), либо дегустаторов на конкурсах вин (обобщенная оценка которых как раз и изображена в виде медалей на бутылках).

Наш язык – выразитель ценностей универалистского сообщества

Разберемся теперь с простыми императивами: следует быть щедрым и смелым, не быть скупым и трусливым. Не убивать, не красть, не лгать, не подличать. Спасать жизни, любить ближнего, помогать и сотрудничать, делиться, говорить правду, поступать благородно. Где же здесь приказывающий субъект? Верующий непременно укажет на Бога («Если Бога нет, то все дозволено» – по Достоевскому), но нам это необязательно, поэтому проблема остается.

Решается же она вполне по-дюркгеймовски: в основе любых действенных императивов всегда имеется сообщество – та социальная инстанция, которая одобряет один тип поведения и не одобряет другой, может за них поощрять и наказывать, соответственно. Разделим эти сообщества на партикуляристские и универалистские. Первые эволюционно первичны, здесь щедрым надо быть в только отношении *своих*, быть смелым в спасении их жизней, помогать им, говорить им правду и т. д. В отношении *чужих* нужно быть наоборот рачительным и крайне осторожным, чужих можно, а иногда и похвально убивать, их следует обкрадывать и грабить, ложь и коварство в их отношении – вовсе не грех, а удачливость и доблесть. Такие партикуляристские сообщества и их партикулярные нормы кажутся нам сегодня дикими и устаревшими, однако они вовсе не исчезли, о чем свидетельствуют неискоренимая преступность, почти повсеместная клановость в государственных структурах, трудность ассимиляции этнических гетто и рецидивирующий терроризм.

Для нас более привычны универсальные нормы (нельзя *вообще* лгать, воровать, убивать, нужно *вообще* быть смелым и щедрым и пр.), но необязательность субъекта для них представляется нам именно потому, что мы выросли и живем преимущественно в универалистских

сообществах, где соответствующие нормы зафиксированы в самом языке, в оценочных и нормативных коннотациях каждого слова, использованного в вышеуказанных императивах. Примерно так же рыба не видит воду, в которой живет.

В чем же отличие доверия научному авторитету от доверия моральному и/или религиозному авторитету? В первом случае, доверившись квалификации ученого, мы просто получаем доступ к безличным научным истинам. Если они таковы, то мы могли бы использовать и любого другого столь же квалифицированного специалиста. Сходным образом, чтобы научиться физике, химии или математике, можно использовать разные учебники. Если в них адекватно отображены накопленные научные истины, то учиться можно по любым учебникам, а потом их отбросить и забыть. Научный авторитет, учебник, справочник – это лишь калитки к знанию. Если знание получено, то калитки больше не нужны.

Более того, если сам продвигаешься в науке, то можешь заявлять утверждения, с которыми другие ученые не согласны, но благодаря платформе фактов (в любой эмпирической науке) или строгости логических доказательств (в математике) есть возможность их переубедить.

Принять ценности значит примкнуть к некому сообществу

Совсем иное дело, когда «учишься» ценностям, морали или вере. Недаром здесь уже говорят о «воспитании» или «индоктринации». Обретение ценностей и императивов в качестве личных установок *всегда предполагает включенность в сообщество с теми же установками*, солидарность с другими его членами, а зачастую и подверженность духовной власти авторитетов в данном сообществе, которые считаются наиболее причастными этим ценностям и достойными источниками императивов.

Между прочим, сама Линда Загзебски хорошо это чувствует, поэтому в своей заключительной апологии подчинения религиозному авторитету она радикально меняет лексику с сухой либерально-аналитической на солидаристскую, органическую, инклюзивную:

я скорее достигну истины, если поверю в то, во что верим МЫ, сообщество, чем если буду пытаться достичь истины самостоятельно, независимо от НАС, сообщества или Церкви [Загзебски, 2017, с. 105].

Имеет ли право человек признавать авторитет религиозной общины и церкви, войти в это сообщество, признавать соответствующие ценности, святыни, заповеди и пр.? Разумеется, это право законно и

вполне соответствует универсалистской ценности свободы совести. Вот только выводить какую-то «рациональность» такого поведения из принципа «эпистемического авторитета» с апелляцией к науке и научным экспертам не корректно.

Если же на основе принципа приоритетности (preemptiveness) подчиняться всем указаниям религиозных авторитетов, то это уже напрямую чревато утратой личной моральной ответственности, нарушением универсалистских ценностей, поскольку далеко не все религиозные сообщества и церкви преодолели партикуляризм. Вот почему «рациональность», «автономия» и «эпистемический авторитет» по Л. Загзебски вполне могут обернуться согласием убивать неверных; если таково требующее приоритетности указание религиозного авторитета.

Ценностное сознание и множественное членство в моральных сообществах

Критикуя – предлагай. Цепочка рассуждений, выводящая подчиненность религиозным авторитетам из признания автономной личностью научных авторитетов, обнаружила свою логическую некорректность. Как же совместить автономию, авторитет науки, неустранимое разнообразие ценностей, свободу совести, множественность религий, с одной стороны, с недопустимостью нарушения универсальных моральных норм, с другой стороны?

Достаточно детально эти вопросы были рассмотрены мной в книге *«Ценности в проблемном мире»* [Розов, 1998]. Здесь представлю только ключевые тезисы.

Признание некоего круга ценностей всегда означает явное или неявное включение в сообщество, признающее те же ценности. Здесь старому принципу «полноты веры», или «партийности», противостоит новый принцип ценностного сознания. Поясню его, оттолкнувшись от противных ему принципов: религиозного и партийно-идеологического.

«Есть только один способ быть христианином – это быть им вполне», – говорил Сергей Аверинцев. Иными словами, уверовав в Христа, став членом церкви, следует во всей полноте принимать, признавать, выполнять все святыни, догматы, заповеди, правила поведения этой церкви. Если церковь запрещает аборты и однополые браки, то и благочестивый член церкви должен их отвергать.

Примерно так же партийность требует от члена партии не сомневаться, не рассуждать самостоятельно, но принимать во всей полноте идеологию, программу, линию, идеи, лозунги и актуальные указания

партии. Если партия требует выявлять и расстреливать «врагов народа» или «пятую колонну», то делать надо это с энтузиазмом и полной отдачей. Заметим, что оба принципа полностью соответствуют результатам рассуждения Л. Загзебски, хотя, согласившись с первым, она вряд ли одобрит второй.

Принцип ценностного сознания отвергает обязательность признания ценностей и императивов «комплексом». Современный человек космополитичен, но не в смысле «человека мира без роду и племени», а в смысле одновременной принадлежности множеству сообществ: семейных, профессиональных, соседских, дружеских, по интересам, в нескольких сетях Интернета и т. п. Это относительно новое явление называется *множественным членством в моральных сообществах*. В каждом таком сообществе принимаются разные круги ценностей, пусть пересекающиеся, но никогда не полностью.

Согласно принципу ценностного сознания можно быть одновременно католиком, но выступать за свободу разводов, аборт и однополых браков. Можно быть одновременно иудеем и русским патриотом, православным и обожателем американского джаза, коммунистом и верующим, либералом в экономике и имперцем во внешней политике, геем и приверженцем строгого воспитания детей. То, что раньше казалось «круглым квадратом», абсурдом, ужасающей несовместностью, то теперь становится обычным делом и чуть ли не нормой.

Ценностное сознание и границы личной свободы

Есть ли границы у этой свободы с ее тревожащим размахом? Да, границы эти задаются известным «тонким слоем ценностей», или «минимальными ценностями», а в моей терминологии – классом *общезначимых ценностей* [Розов, 1998, разд. 2.1]. Они определяются как *необходимые условия жизни и деятельности любых индивидов и сообществ, которые никому нельзя нарушать, чтобы не препятствовать этим индивидам и сообществам выполнять их собственные цели и ценности*.

Таковыми условиями являются жизнь, здоровье, свобода, достоинство, возможность самообеспечения, продолжение рода и воспитание детей, гражданские и политические права, защищенность собственности, здоровая окружающая среда, чистые вода и воздух. Это и есть те самые универсальные ценности, о которых уже говорилось выше. Они же являются пересечением кругов ценностей разных сообществ, но лишь если эти сообщества сами вышли на уровень универсалистских, т. е. признают права на жизнь, свободу, достоинство и т. д. не только для «своих», но и для всех «чужих».

Таким образом, принцип ценностного сознания совмещает полную свободу принятия группой или индивидом любого сочетания высших целей, святынь, но при строгой ригористической защите общезначимых ценностей.

Как же тогда обстоят дела с личной свободой и автономией? Допустимо ли следовать указаниям моральных и религиозных авторитетов? Допустимо ли подчиняться указаниям авторитетов в этих сообществах?

Принципиальных возражений против этого нет. Но, во-первых, общезначимые ценности должны при этом оставаться неприкосновенными: нельзя подчиняться приказам убивать (вне ситуаций оборонительной войны или правосудного осуждения на казнь), насилловать, пытаться, калечить, травить, грабить, воровать, унижать достоинство, разрушать семьи и проч. Во-вторых, следует честно признавать, что при выполнении внешних указаний действуешь уже несвободно: негоже прикрываться какой-то особой «свободой подчинения моральным и религиозным авторитетам».

Ограничивает ли нашу свободу признание непреложности общезначимых ценностей и недопустимости нарушения соответствующих императивов? Да, ограничивает, и следует это четко осознавать. Признание любых общезначимых ценностей, например, ценностей жизни и достоинства, уже означает *ограничение свободы*: нельзя убивать других и себя, нельзя унижать и терпеть унижение. При этом принцип ценностного сознания обеспечивает больше свободы, чем принцип полноты веры или принцип партийности. Уже не обязательно «подписываться» под все ценности и нормы каждого сообщества, в котороеходишь.

Признавая общезначимые ценности, мы вступаем в обширное универсалистское сообщество, где многое запрещено. Разумеется, это сильное ограничение свободы, и что ж с того?

Специфика философии, философских сообществ и авторитетов

До сих пор в нашем рассуждении философия оставалась фигурой умолчания. Где же ее место? Находится ли она в ряду наук из-за такого же ее упора на сомнение, дискуссию, обоснование? Или же в ряду морали и религии?

Никакой собственной надежной фактологической основы философия не имеет, но столь же амбициозно претендует на целостное осмысление мира, места человека в нем, не стесняется формулировать моральные императивы и метафизические утверждения, не уступающие в смелости и масштабности богословским.

Философия, имея указанные и иные черты сходства с наукой, моралью и религией, все же отличается от них всех. Кратко отличие можно сформулировать так. Наука, мораль и религия сходны в том, что каждая имеет, утверждает, защищает свои основания. Философия же *ищет, устанавливает, критикует, разрушает и вновь ищет основания любых суждений и действий*, в том числе относящихся к науке (философия науки), морали (философская этика) и религии (философия религии).

С этой спецификой связаны особенности философских «истин», философских сообществ и философских авторитетов. «Истины» философии не бывают окончательными именно потому, что живая философия, т. е. включающая спорящие между собой позиции [Коллинз, 2002], способна подвергать критике любые суждения предельной общности и абстрактности, то есть собственно философские.

Соответственно, философские сообщества, как правило, лишены надежных, не обсуждаемых основ (которые бывают у партий в политике, у церквей в религии), не бывают по-настоящему сплоченными и устойчивыми. Философский авторитет не может быть абсолютным. Великие философы остаются в памяти, в учебниках и справочниках, их труды изучаются новыми поколениями не потому, что с этими философами нельзя спорить, а именно потому, что их труды рождали и продолжают рождать обилие важных споров [Розов, 2016].

Специфика философии имеет самое прямое отношение к обсуждаемой теме. Линда Загзебски на основе принципа «эпистемического авторитета» предлагает отказываться от собственных размышлений, сомнений, решений в области морали и религии, положиться на соответствующие авторитеты и подчиняться указаниям руководства. Истинные же философы никогда не говорят: «Верьте нам, примите наши истины, выполняйте наши указания!» Философский призыв звучит, скорее, так: «Сомневайтесь. Мыслите самостоятельно. Будьте свободны в мышлении. Но и не уходите от ответственности, если ошибетесь».

Нас постоянно пытаются благонамеренно загонять в догматическую ловушку, предлагая под видом «рационального решения» подчинять свою жизнь каким-то «моральным и религиозным авторитетам». Лучшим противоядием от догматизма любой степени изошренности является обращение к свободному философскому размышлению.

Список литературы

Загзебски, 2017 – *Загзебски Л.* Эпистемический авторитет: современная либеральная защита», пер. с англ. К. Карпова // *Epistemology & philosophy of science / Эпистемология и философия науки.* 2017. Т. 53. № 3. С. 92–107.

Коллинз, 2002 – *Коллинз Р.* Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения / Пер. с англ. Н.С. Розова и Ю.Б. Вертгейм. Новосибирск: Сибирский Хронограф, 2002. 1280 с.

Розов, 1998 – *Розов Н.С.* Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии. Новосибирск: НГУ, 1998. 292 с.

Розов, 2002 – *Розов Н.С.* Идеи и интеллектуалы в потоке истории: макросоциология философии, науки и образования. Новосибирск: Манускрипт, 2016. 340 с.

Raz, 1986 – *Raz J.* *The Morality of Freedom.* Oxford: Clarendon Press, 1986. 435 p.

References

Collins, R. *Sociologiya filosofiy. Globalnaya teoriya intellektualnogo izmeneniya.* [Sociology of Philosophies. A Global Theory of Intellectual Change], trans. by N. Rozov, J. Wettrheim. Novosibirsk: Sibirsky Chronograph, 1998. 1280 pp. (In Russian)

Raz, J. *The Morality of Freedom.* Oxford: Clarendon Press, 1986. 435 pp.

Rozov, N. S. *Cennosti v problemnom mire: filosofskie osnovaniya i socialnie prilozheniya konstruktivnoy aksiologii* [Values in the Problematic World: Philosophical Foundations of Constructive Axiology]. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 1998. 292 pp. (In Russian)

Rozov, N. S. *Idei i intellektuali v potoke istorii: makrosociologiya filosofii, nauki i obrazovaniya* [Ideas and Intellectuals in the Stream of History. Macrosociology of Philosophy, Science, and Education]. Novosibirsk: Manuskript, 2016. 340 pp. (In Russian)

Zagzebski, L. “Epistemic Authority: A Modern Liberal Defense” [Epistemicheskiy avtoritet: sovremennaya liberalnaya zaschita], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2017, vol. 53, no. 3, pp. 92–107. (In Russian)